

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 10

ЦѢНА ОТД. № въ розн. продажѣ 85 к. и на ст. жел. дор. 95 к.

МАЙ 1918

ПРОЕКТЪ СНЯТІЯ ПАМЯТНИКОВЪ.

Рис. Ре-ми.

Чугунная контръ-революція въ революціонной кутузкѣ.

Хамоудовлетвореніе.

СНАРУЖИ И ВНУТРИ.

Постоянной резиденціи новый посолъ Іоффе не будетъ имѣть. Онъ будетъ, по мѣрѣ надобности, прѣзжать изъ Берлина въ Вѣну, въ Константинополь и Софію.

Изъ газетъ.

Разрушительный періодъ кончился. Теперь наступаетъ созидательный.

Изъ рѣчи тов. Володарскаго.

Господа! Кричите „vivat!“
 Лейся праздничная рѣчь!
 „Разрушительный періодъ“,
 Наконецъ-то сброшенъ съ плечъ!
 Крѣпнетъ пламенная вѣра
 Въ оживающей груди—
 „Созидательная“ эра
 Наступаетъ впереди.
 Приглашаемъ васъ устроить
 Напряженіе десницъ,
 Будемъ строить, строить, строить —
 Безъ конца и безъ границъ.
 Всѣ за дѣло! Ну-же! Ну-же!
 Яркимъ пламенемъ горя
 Засверкала ужъ *снаружи*
 Наша новая заря.
 Время вырвало страницу
 Нашихъ бѣдъ и нашихъ золъ:
 Завтра ѣдетъ за границу
 Нашъ радѣтель, нашъ посолъ.
 Не посолъ, а-шикъ! Малина!
 Въ немъ одномъ—десятокъ лицъ;
 Онъ одинъ—и для Берлина
 И для прочихъ для столицъ.
 Съэкономили на славу
 По расчету изъ числа —
 На одну на ихъ „державу“—
 Четверть нашего посла!
 Что такое? Маловато
 Одного на столько мѣстъ?
 Но смотрите—голова-то!
 Ровно крѣпость! Словно Брестъ!
 Вѣдь яснѣе же, чѣмъ кофе,
 Римскій смѣтливый народъ
 Заявилъ: „Quod licet Ioffe,
 То другому не пройдетъ!“

Съ нимъ-то Русь не будетъ въ лужѣ,
 Въ немъ и мудрость и упоръ.
 Нѣтъ! *Снаружи*... За „*снаружи*“
 Я спокоенъ съ этихъ поръ.

А „*внутри*“? Ну это, друже,
 Разберешься черта съ три—
 Гдѣ теперь у насъ „*снаружи*“,
 Гдѣ теперь у насъ „*внутри*“?

Ерго—простъ и ясенъ выводъ:
 Русь! Скорѣй на пьедесталъ!
 „Созидательный“ періодъ
 И „*внутри*“ уже насталъ.

Владиміръ Воиновъ.

КНУТЬ БЕЗЪ ЛОШАДИ.

Фельетонъ одного покойника.

Въ газетахъ промелькнуло сообщеніе, что лѣвые эсъ-эры на своей партійной конференціи въ Москвѣ объясняли неуспѣхъ своей партіи среди демократіи тѣмъ, что у лѣвыхъ эсъ-эровъ нѣтъ самостоятельной программы, и что нужно обязательно выработать свою программу.

Долженъ признаться: я былъ на этой конференціи и могу рассказать обо всемъ подробно.

Конференція состояла въ томъ, что нѣсколько десятковъ лѣвыхъ эсъ-эровъ сидѣли на своихъ мѣстахъ и угрюмо переглядывались.

— Ну, чего-жъ мы такъ зря сидимъ?—спросилъ, наконецъ, предсѣдатель.

— А вамъ что—мѣста жалко, что-ли? Не просидимъ, чай,—съ достоинствомъ отвѣтилъ самый лѣвый эсъ-эръ.

— Я не къ тому, а... засѣдать же нужно.

— Мы и засѣдаемъ.

— Говорить надо!

— Говоримъ.

— Не то мы говоримъ. Надо по вопросу.

— По какому?

— Ну, вообще. Что мы, дескать, партія, что у насъ есть зданія какія нибудь задачи. Ну, и вообще.

— О программѣ бы поговорить,—шумно вздохнулъ нѣкто невидимый сзади.

— А какая наша программа? У насъ и программы-то нѣтъ.

— Ну, перво-на-перво—вся земля трудящимся безъ выкупа.

— Это не наша программа. Это центра эсъ-эровъ.

— Ну, тогда измѣнимъ. Напишемъ: съ выкупомъ.

— Это кадетская программа.

— Ишь, черти! Самое лучшее порасхватили.

Сзади опять раздался несмѣлый голосъ:

— Передать орудія производства трудящимся. Требованіе ввести диктатуру пролетаріата!..

— То есть?

— Въ партію нашу, я говорю, это вставить...

— То есть, въ программу?

— Ну, въ программу—все равно.

— Но вѣдь эти лозунги выставляются партией большевиковъ.

— Ахъ, быкъ-те заклюй! Ну и оборотистый народишко. А нельзя такое выставить, чтобъ на трамваяхъ, попрежнему, пятачекъ съ носа брали?

— Ну, что-жъ это за программа... Никакой дуракъ такой куцою партией не заинтересуется. Вотъ мнѣ пришла въ голову одна мысль.

— Воображаю...

— Ей Бгу, товарищи—серьезно! Мысль такая: долой власти! Всякая власть есть принужденіе. Да здравствуетъ полная безграничная свобода личности.

— Анархисту въ карманъ залѣзли, товарищъ. Нехорошо. Это анархистская программа.

Дожій молодецъ, опоясанный двумя пулеметными лентами, всталъ и, разсматривая смущенно растопыренную красную руку, прогудѣлъ:

— А не зажарить ли намъ чтонибудь вроде: да здравствуетъ м...м...онахія.

— Виновать, говорите громче: монархія или анархія?

— Понимаете, такое среднее: спереди напечатать маленькое „м“, а потомъ „анархія“ покрупнѣе. Оно какъ будто и монархія, какъ будто и анархія. Что-то среднее. Это ново.

— Это ново, но глупо. И, кромѣ того, безграмотно. Монархія пишется черезъ „о“ послѣ „м“, а слова „анархія“—нѣтъ.

— Нѣтъ? Тогда простите.

И снова всѣ опустили головы. Напряженно задумались.

— Ну, что-жъ, товарищи... Выдавливаете что-нибудь...

— И что мы за такіе несчастные за люди! У всѣхъ все въ порядкѣ, у всѣхъ есть своя программа, даже народныя социалистки съ какой-то программой промежду насъ путаются, а мы какіе-то обсъвки въ полѣ.

— Въ циркѣ и то программа есть, а у насъ ни малѣйшей.

— Сочинить надо. А то прямо неловко. Намедни меня одинъ господинъ, такой настойчивый, право—такъ прямо въ лицо и спрашиваетъ: „а какая, говоритъ, у васъ, у лѣвыхъ эсъ-эровъ, программа“?

— Что же-вы?

— Ну я и туда и сюда... Видите-ли, говорю, у насъ по тактическимъ вопросамъ много общихъ мѣстъ съ большевистской платформой теоритически мы одной, лѣвой, стороной примыкаемъ къ правымъ эсъ-эрамъ, хотя, расходясь съ ними въ кардинальномъ вопросѣ... „Нѣтъ, говоримъ, это ты не крути, а говори прямо—какая твоя лѣво-эсерская программа“ чуть не расплакался я—такъ обидно. Извинился и ушелъ.

— А нельзя ли такъ: демократіи нашей программы не показывать, а прямо на словахъ сказать, что все хорошо будетъ чтобы, она не безпокоилась...

— Такъ она, демократія, тебѣ и повѣритъ. На большевикахъ нажглись уже. Тѣ тоже обѣщали и то и се, и что все-для демократіи, а теперь демократія съ голодудохнетъ.

* * *

— Тутъ поднялъ свой голосъ и я:

— Товарищи! А зачѣмъ вамъ программа?

— Какъ зачѣмъ? Надо. Мы, вѣрите ли, лѣвые эсъ эры. Партия такая. А программы нѣтъ.

— Такъ и чертъ съ ней. О чемъ плачутъ... Нѣтъ программы, такъ возьмите и разоидитесь.

— Куда жъ мы дѣнемся? Сейчасъ мы, какъ партія, около большевиковъ кормимся, а если мы не партія—такъ они насъ сразу же выкинутъ. Послушайте, товарищъ... Вотъ у васъ, я вижу, умное лицо: сочините намъ программу.

— Вотъ чудак! Какъ вы не понимаете: партія безъ программы это кнутъ безъ лошади. Гдѣ вы видѣли, чтобы человекъ, имѣющій кнутъ, прикупалъ къ нему лошадь. Или иначе—если стоитъ на пустомъ мѣстѣ дворникъ, то дѣмъ къ нему, къ дворнику, никогда не пристраивается. Дворника впускаютъ въ уже готовый домъ... Но войдите въ наше положеніе: кому мы нужны безъ программы?!

— А кому вы нужны съ программой?—подумалъ я и, пожавъ плечами вышелъ.

А за моей спиной неся стонъ претсѣдателя:

— Господа! Товарищи! Вѣдь мы же конференція! Чего же вы молчите? Говорите чтонибудь, а то прямо жутко!

Покойный Фома Опискинъ.

ВЕСЕННІЯ ПѢСЕНКИ.

БЫКЪ

Поклонился цвѣтикъ полю
Подарилъ пчелѣ душокъ
Выходи-ка быкъ на волю
На зеленый бережекъ.
Словно пава,—жарко глядя
По той ходитъ сторонѣ
Ахъ изводушка, досада.
Помѣшала рѣчка мнѣ
Какъ тутъ быть, полѣзу въ воду
Лишь покличь да помани
Не съискать на рѣчкѣ броду
Только омуты одни
Попилъ быкъ и стало мелко.
Малость выше локотка
Ты играй моя сопѣлка
Весели за то быка.

II

БУБЕНЕЦЪ

Бубенецъ мой бубенецъ
Ты звени звончѣе
Что-бъ со мною молодецъ
Былъ бы побойчѣе
Бубенецъ, мой бубенецъ
Раззвони ты свѣту—
Такъ пригожь мой молодецъ,
Что пригожьѣи нѣту
Бубенецъ мой бубенецъ
Знаемъ мы съ тобою;
Что въ скворешницу скворецъ
Прилетитъ весною.

III

ЛЮБОВЬ ПЕТРУШКИ

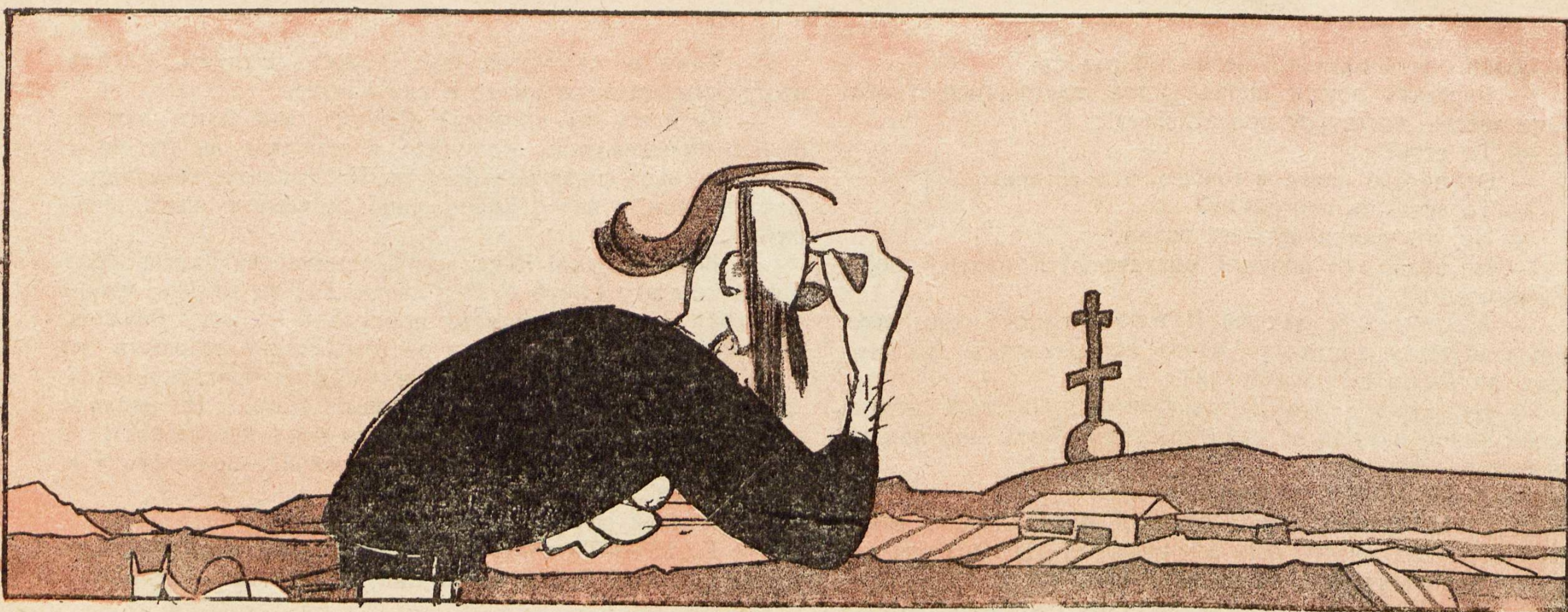
Сердце глупо... Нѣтъ игрушки
И опаснѣй и глупѣй
Сердце уголь у Петрушки
Горячѣе всѣхъ углей
Если уголь вспыхнетъ ярко,
Будетъ много, много слезъ
Отъ любви не жду—подарка,
Лишь одни шипы отъ розъ
Всюду хитрыя ловушки
Ахъ какъ мнѣ уйти отъ нихъ,
Всѣ ловушки для Петрушки
А подарки для другихъ.

Александръ Рославлевъ.

Рис. В. Лебедева.

Въ Россія даже социальная революція кончается еврейскимъ погромомъ...

— Слава, Бсгу! Церковь...

— Ой!..

ДНИ ЛЕГКІЕ И ТЯЖЕЛЫЕ.

Надо было какъ-то одной моей доброй знакомой возвращаться въ Россію. Жила она съ братомъ гдѣ-то на фіордахъ въ Норвегіи, подходит лѣто къ концу, въ Питерѣ ждуть дѣла, надо ѣхать. Путь предстоялъ такой—пароходомъ, кусочекъ на лошадахъ и по желѣзной дорогѣ. Долго составляли маршрутъ, и какъ ни рассчитывали, все выходило такъ, что или выѣхать надо въ понедѣльникъ или пріѣдешь въ Питеръ въ пятницу. А дней этихъ боялась моя пріятельница пуще огня. Она уже соглашалась выѣхать въ понедѣльникъ, но пріѣхать въ столицу, передъ началомъ большого сезона, въ пятницу—низачто. Нашли выходъ. На промежуточной станціи встали, прожили день, и прибыли домой въ легкую и радостную субботу.

Да и вы, конечно, знаете, что день на день непохожъ. Что понедѣльникъ неважный день—всѣ знаютъ, а настоящее—понимающій человекъ кромѣ того и пятницу остерегается. Потому—тоже день неважный.

Такъ старики наши и жили потихоньку. И ничего себѣ жили. По Волгѣ шли караваны съ нефтью, лѣсомъ и хлѣбомъ, Либава грузила миллионы пудовъ сливочнаго масла, на Нижегородскую ярмарку ѣздили. А которые и въ Ирбитъ. Мануфактуры-то у Макарія сколько было! Нечего грѣха на душу брать—посылалъ Господь. И выходило, значитъ, такъ: одна седьмая—плохой жизни, это понедѣльникъ, одна седьмая—такъ себѣ, это пятница, и пять седьмыхъ—отличной. Слава Тебѣ, Господи! Жить да жить. Пять седьмыхъ? Спасибо Тебѣ, Создатель, за пять седьмыхъ! Много успѣю еще сдѣлать, думалось. Пять седьмыхъ! Дѣлать—не передѣлать, работать—не переработать!

Потомъ, случилось это октябрьскимъ ненастнымъ вече-

ромъ, примѣтилъ я, какъ въ санитарномъ автомобилѣ англійскаго отряда везли парное мясо, бронзовую люстру и какіе-то ящики. Автомобиль-то легонькій, англичане машины-то мастера строить, чистенькій, съ подъемными койками, со всѣми удобствами. Русскому народу отъ англійской демократіи помочь чтобы посылали. Случилось это во вторникъ. Джонъ Ричардсонъ съ пятой Авеню, когда узналъ правду объ автомобиляхъ, ничего не сказалъ, только трубка сильнѣе запыхтѣла.

А я въ простотѣ сказалъ—паршивый день, хоть и вторникъ.

Среда, скажемъ. Очень и очень не плохой былъ день. Балетный абонементъ, художественныя «среды», серединка недѣли—туда—сюда и суббота. Не плохой день раньше былъ. Вотъ только что по средамъ бань не было.

Первая продовольственная карточка выдана была въ среду, трамвайная плата повышена—въ среду, картошка исчезла—въ среду, новые деньги—въ среду. Ну, и получилось то, что теперь есть—день тяжелый, унылый и долгій, какъ безсрочная каторга.

Четвергъ прежде день былъ хоть куда. На четвергъ приходилось—завоеваніе Сибири, Куликовская битва, дешевый почтовый тарифъ, мировые суды, кооперативный уставъ.

Теперь на четвергъ пришлось—продовольственная эпопея, Брестскій миръ, распыленіе арміи, недостача размѣнныхъ денегъ, конина. Денекъ, нечего сказать.

Суббота. Если я напомнимъ вамъ, что первый самоchinный обыскъ былъ въ субботу, что грабежей и убійствъ въ субботу не меньше, чѣмъ обычно, что по субботамъ трамваи ходятъ до девяти, банки—закрыты и баня стоитъ два съ полтиной—вы не найдете этого дня такимъ же пріятнымъ и ласковымъ, какимъ онъ былъ раньше.

Воскресенье еще остается. Въ воскресенье, по скольку помню, началось дѣло Дыбенко, эвакуація Петрограда, введена такса на конину, прибыла „средняя германская делегація“, высадка на Мурманѣ, высадка въ Ганге, высадка во Владивостокѣ и всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ. Да, въ воскресенье, кажется, какъ-то еще Зимній немного попортили. Хорошъ денекъ, чтобъ ему пусто было.

И чтобы съ нами не случилось—будетъ это въ одинъ изъ перечисленныхъ мной тяжелыхъ дней. Я ужъ знаю.

Филимонъ Марадудинъ.

ЮРИСПРУДЕНЦІЯ.

Раньше говорили:

— Прошу встать! Судъ идетъ.

Теперь:

— Прошу лечь. Самосудъ идетъ.

СЧАСТЛИВЕЦЪ.

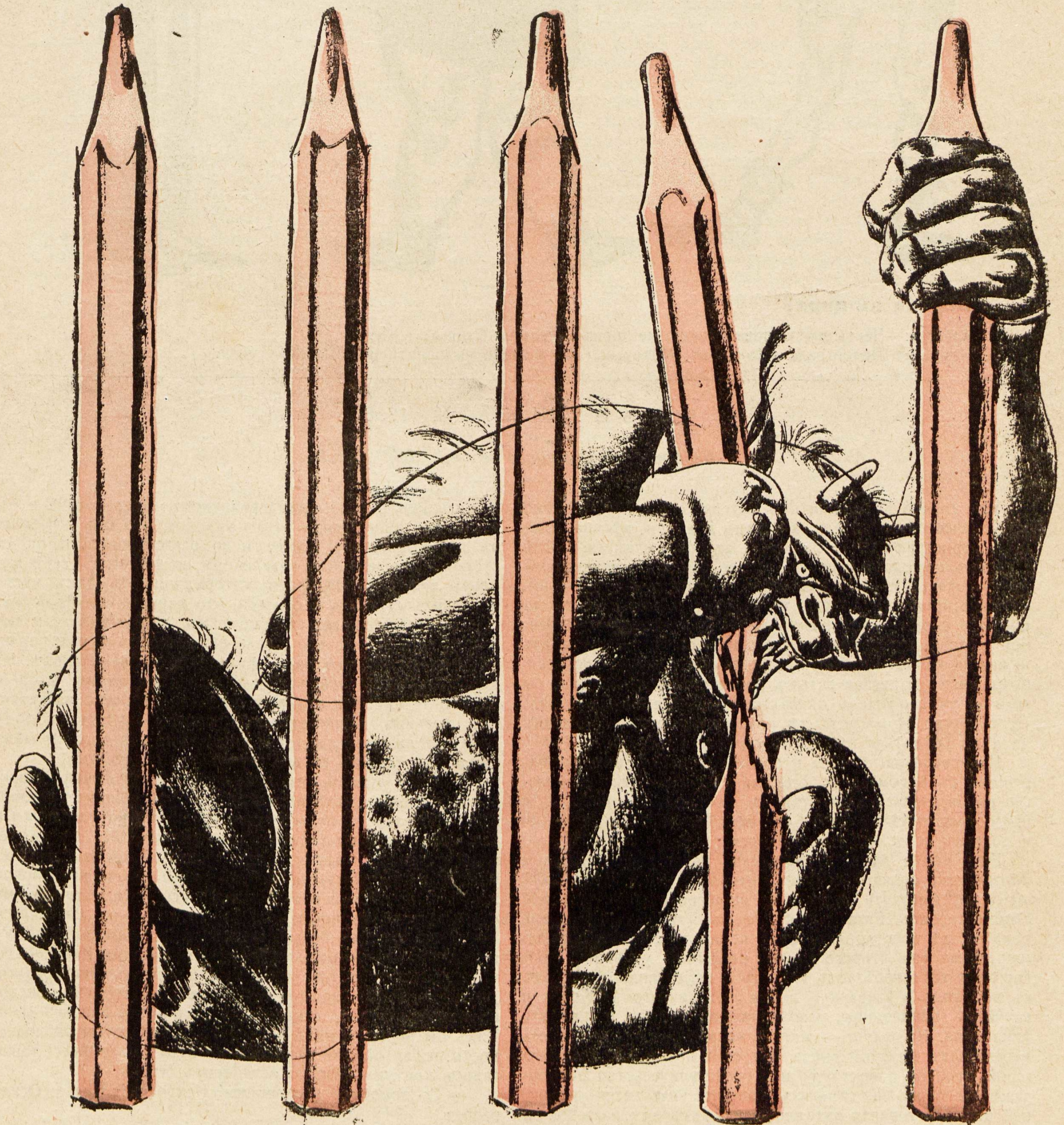
— О, ужъ будьте покойны! Я собаку съѣлъ!

— На чемъ?

— Какъ обыкновенно: на тарелкѣ.

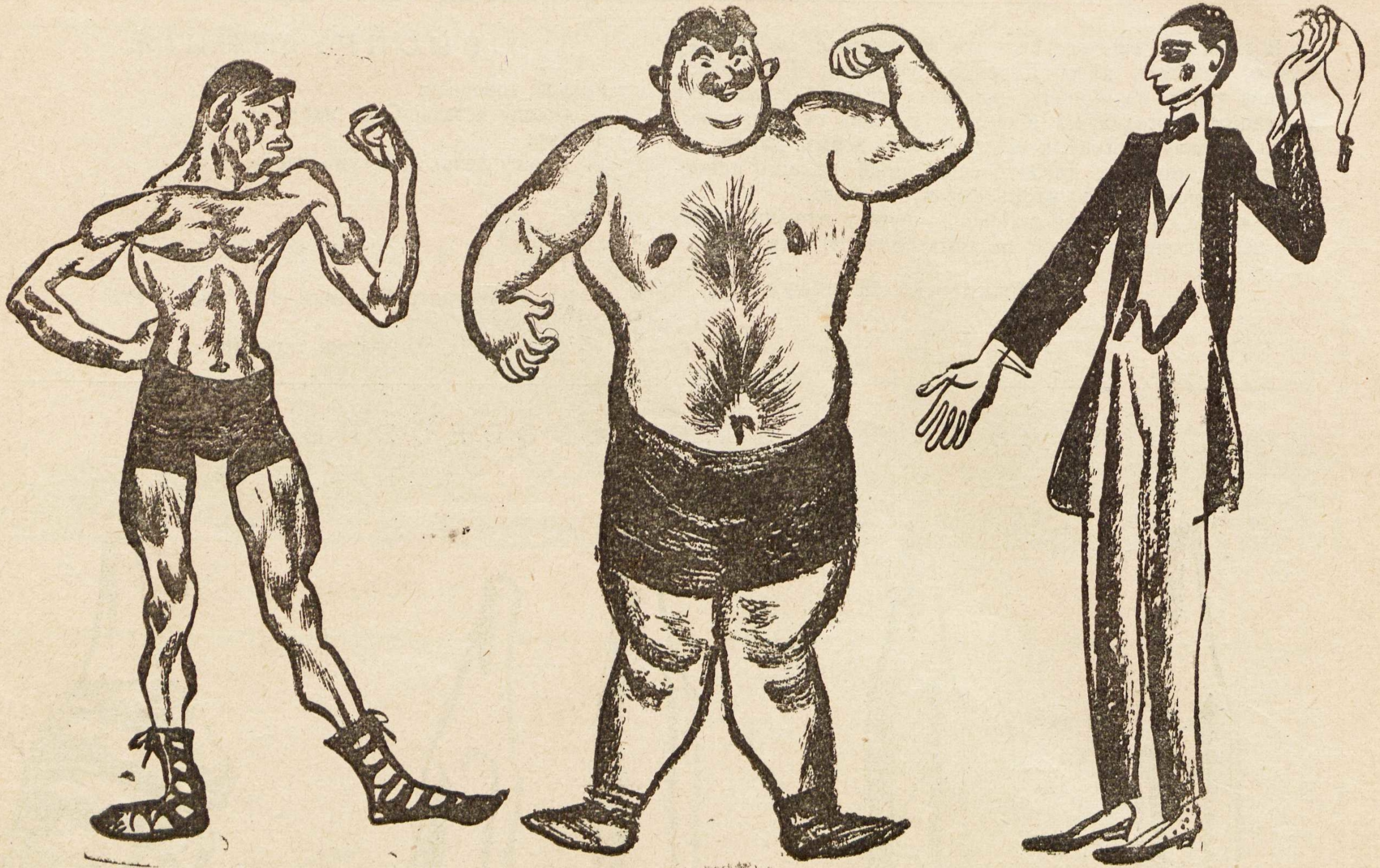
ПЕРВЫЙ РАЗЪ ПО ВОЗОБНОВЛЕНІИ.]

Рис. В. Лебедева.

СТАРАЯ ПЪСЕНКА „НОВАГО САТИРИКОНА“.

Сижу за рѣшеткой
Въ темницѣ сырой...

Борьба въ циркѣ.

Арбитръ:—Честь имѣю представить: чемпионъ Украины Стедько—Кіевъ!
Чемпионъ Петрограда—Холеровъ. Который гдѣ—можете разобрать по внѣшнему виду.

ДѢВУШКА № 1738.

Повѣсть для будущаго сезона Арк. Бухова.

Уже горячо заспорили объ интеллигенціи, гдѣ-то робко вылупились богоискатели, а черезъ два три мѣсяца хлынуть порнографическіе сборники, журналы и книги. Послѣ горячихъ періодовъ русской жизни такая послѣдовательность является почти закономъ, какъ изжога послѣ рѣдки.

Я не принимаю участія въ спорахъ о роли интеллигенціи. Эти споры напоминаютъ мнѣ разглядываніе собственной головы, отраженной зеркаломъ, съ цѣлью выяснитъ нужна-ли голова вообще, нужна-ли она только по воскреснымъ днямъ и двенадцатымъ праздникамъ и что было бы если бы вмѣсто головы оказалась коробка изъ подъ гильзы. Пусть этимъ занимаются тѣ, кому еще ни разу не пришлось на дѣлѣ убѣдиться въ пользѣ обладанія головой.

Не привлекаютъ меня и богоискатели съ ихъ примиреніемъ съ Богомъ и съ ссорами съ Нимъ. Эту привиллегию разбирательства въ такомъ запутанномъ вопросѣ я предоставляю тѣмъ, кого Богъ обидѣлъ еще при рожденіи и до сихъ поръ еще не извинился.

Еще менте меня привлекаетъ порнографія. Каждый авторъ сексуальнаго сборника стиховъ, или повѣсти долженъ перещеголять другого въ изощренности устремленій своихъ героевъ. Едва только одинъ изъ нихъ напишетъ романъ, гдѣ престарѣлая тетка познаетъ счастье съ племянникомъ изъ второго класса реальнаго училища, какъ другой авторъ забѣгаетъ впередъ и немедленно вылѣзаетъ съ повѣстью о взаимной любви параличнаго дѣдушки и внучатой племянницы, уже начавшей ходить и говорить папа-мама. Но и они — жалкія хромыя клячи, которыхъ перегоняетъ кровный рысакъ—третій авторъ, у котораго герой, бросивъ адвокатуру, или представительство по продажѣ сельскохозяйственныхъ машинъ, увлекается домашней козой и горячая взаимность служитъ ему наградой за недоумѣнное отношеніе къ нему окружающихъ и родныхъ.

Я помню совсѣмъ еще недавніе годы славныхъ состязаній на половой аренѣ нашихъ беллетристовъ и поэтовъ... Я помню то время, когда уже и бракъ съ рыжей кошкой

изъ сосѣдняго дома былъ признакомъ дурного тона и вялости фантазіи. Одинъ поэтъ увѣрялъ, что онъ влѣбился въ парикмахерскую куклу и до благосклонности съ ея стороны уже казалось недалеко; я представлялъ себѣ моменты ихъ свиданій, ради которыхъ поэтъ такъ часто приходилъ стричься и бриться, что парикмахерскіе подмастерья ограничивались только тѣмъ, что вымазывали ему голову мыльнѣй пѣной, давали ей высохнуть и изъ приличія помахивали надъ нимъ флакономъ съ вегеталемъ. Въ концѣ концовъ его навѣрное заподозрили въ желаніи украсть ножницы и выгнали; врядъ-ли дѣловито настроенный хозяинъ парикмахерской смогъ-бы понять всю ту гамму переживаній, которая заставляла молодого человѣка ежедневно торчать въ его скромномъ предпріятіи.

Я лично, думалъ, что изысканнѣ такой любви не придумаешь. Когда я подѣлился этими соображеніями съ однимъ моимъ пріателемъ беллетристомъ, онъ хитро улыбнулся и похлопалъ себя по карману, гдѣ притаившейся змѣей лежала рукопись повѣсти, описывающей безнадежное увлеченіе одного бухгалтера не то уткой своей квартирной хозяйки, не то колснной барскаго особняка, которую онъ увидѣлъ какъ-то ночью, проѣзжая мимо на извозчикѣ. На моихъ глазахъ бездна сексуальной непревзойденности заполнялась жирными пластами полоторчества. Казалось бы трудолкбивому автору уже некуда и несчѣмъ пристроиться: домашняя птица, дальніе и близкіе родственники, первобытныя животныя, семейная утварь — все использовано. Какъ бы ни былъ находчивъ авторъ, какую бы разновидность любви онъ не выкопалъ въ этомъ сезонѣ, все равно голосъ критики властно остановить его:

— Съ покойной молочницей? Некрофилия? Было. Осади назадъ.

— Страсть къ пепельницѣ? Неуспокоенная, роковая и неудовлетворенная? Было. Стыдно плагиатами заниматься, молодой человѣкъ-съ...

И вогъ, несмотря на всѣ эти трудности, я рѣшился

приготовить для наступающего сексульного сезона в беллетристику, совершенно самостоятельную вещь, которая неминуемо должна быть одобрена как за свою трактовку темы, так и за ее исключительную изысканность.

— Сообщаю краткий план ее, для желающих воспользоваться ею, напечатать ее за своей подписью, отрастить волосы, надеть бархатную куртку и объяснить изумленным знакомым.

— Да, это я... Я оргиаст. Я люблю дѣвственный запах трупа и молодую куропатку в порывѣ взвизга оргийных страстей. Я ищу молодое тѣло акулы с его бедротрепетными изгибами...

* * *

„Она была узывная, блѣлая и молчаливая. А я былъ въ сѣромъ костюмѣ и служилъ въ продовольственной управѣ. Мимо нея проходили сотни людей и пожирали глазами ее наготу. За это они платили рубль при входѣ въ музей и получали каталогъ скульптурнаго отдѣленія.

Въ немъ она значилась: Ертышкинъ М. С. Дѣвушка съ плечомъ. № 1738. Я подошелъ къ ней и сказалъ.

— Дѣвушка!

Она промолчала. Я погладилъ ее по бѣлой холодной ногѣ. Тогда проснулась людская пошлость: ко мнѣ подошелъ сторожъ музея и сказалъ:

— Пальцемъ колупать воспрещается.

Это было наше первое сближеніе. Уходя, я оставилъ ей записку:—Полубилъ. Жду ласкъ небывалыхъ. Твой.

Меня зовутъ Иваномъ Семеновичемъ. Фамилія моя — Хасучинъ. Но я подписался: Сапожищинъ. Въ этой фамиліи—болѣе оргійнаго, трясобедреннаго, грѣховнаго.

Такъ подписывался одинъ бухгалтеръ, котораго на смерть залягали лошади на Троицѣ.

Она не прочла моей записки. Изъ нея свернулъ папирску сторожъ. Я люблю когда женщина отвѣчаетъ страстью не сразу

— Какая она холодная—ранено вырвалось у меня при нашемъ второмъ свиданіи.

— Статуя—не паровикъ—хмуро замѣтилъ сторожъ—ее отапливать не полагается. Ежели-бы заводная—туда-сюда, а то такъ, изъ мѣла...

Я пожалъ ему грубую, обмахоренную руку и обещающе сказалъ.

— Еще немного и я сдѣлаю ее горячей. Я вѣрю.

Послѣ этого онъ сталъ присматривать за мной, а когда я подходилъ къ любимой звалъ на помощь мальчишку отъ вѣшалокъ. Мальчишка ковырялъ пальцемъ во рту и сопѣлъ.

Дѣвушка молчала. Сегодня она выглядѣла особенно оживленной, ослѣпительно бѣлой и сіяющей.

— Она омылась счастьемъ любви—сказалъ я.

— Пыль съ нея вытерли—отвѣтилъ мальчикъ.

Нашу любовь не воспринимали умы земныхъ людей. Я сталъ приходить чаще и сидѣлъ противъ любимой цѣлыми часами. Сторожъ сильно безпокоился, потомъ хитро улынулся и при мнѣ—же привязалъ любимую веревкой къ подставкѣ. Я обратился къ администраціи музея.

— Продайте мнѣ любимую женщину № 1738.

— Ого, довольно внушительный номеръ. Давно эгимъ изволите заниматься?

— Не вамъ измѣрять вулканы моихъ страстей. Продайте,

— Во первыхъ мы любимыми женщинами не торгуемъ—сухо отвѣтила администрація—

а во вторыхъ во всемъ музеѣ есть только одна женщина, которая обтираетъ статую мокрой тряпкой по субботамъ. Сговоритесь съ ней, мы вамъ выдадимъ изъ конторы ее паспортъ и можете увести ее куда хотите.

— Къ черту женщину съ мокрой тряпкой. Мнѣ нужна дѣвушка № 1738.

Они уступили. Я увезъ ее бѣлую, холодную и молчаливую къ себѣ. Извозчикъ взялъ на четыре рубля дороже, на тротуарахъ смѣялись мальчишки, а хозяйка сказала, что ей нужна моя комната для приѣзжей родственницы. По ее совѣту я смогъ-бы вмѣстѣ со своей любимой устроиться быстро и недорого въ одной изъ лечебницъ, гдѣ какъ разъ завѣдуетъ пріемомъ одинъ ея знакомый докторъ, популярный специалистъ по душевнымъ заболѣваніямъ.

Въ эту ночь мы были вдвоемъ.

Она молчала.

— У насъ будутъ дѣти—тихо сказалъ я.

Стыдливая и чуткая она отвѣтила молчаніемъ.

Я быстро припалъ къ ея тѣлу и сжалъ его въ своихъ объятіяхъ.

На другой день пришлось приклеить синтетикономъ сломанную руку у любимой и замазать разведеннымъ зубнымъ порошкомъ трещину на узывной шеѣ.

Я позвалъ въ гости близкаго человѣка.

— Приѣзжай, у меня будетъ любимая женщина. Она холодна, но прекрасна.

Онъ приѣхалъ, а чрезъ десять минутъ обиженно сказалъ:

— Когда ты сказалъ, что у тебя будетъ любимая женщина, я специально для этого надѣлъ смокингъ. Я истратилъ два рубля на хризантему въ петлицу. Меня полтора часа брили и окатывали всякими душистыми водами. Я надѣлъ лучшіе лакированные туфли и даже не успѣлъ пообѣдать. Теперь ты мнѣ суешь какую-то дѣвицу изъ извести или гипса и требуешь еще чтобы я тебѣ завидовалъ. Убирайся къ чорту.

— Она прекрасна—прошепталъ я.

— Ее можно поставить въ садъ на клумбу, вбить ей въ голову цвѣтной шаръ и обсадить цвѣтами. Тогда еще я пойму...

И лучшій другъ не понялъ моей страсти.

Мы снова остались вдвоемъ. Она молчала и я молчалъ. Бѣлая, холодная. Мнѣ, оргійному, это надоѣло.

Квартирной хозяйки не было дома. Я вышелъ на кухню, подошелъ къ горничной и сказалъ:

— Настя.

Она была тоже бѣлая, но не холодная и не молчаливая. Она долго рассказывала какъ къ ней пристають дворники и что говоритъ лавочникъ объ ихъ будущей совместной жизни.

У ней была прекрасная фигура. Я учелъ это. На другой день мнѣ не пришлось ничего приклеивать синтетикономъ и замазывать разведеннымъ зубнымъ порошкомъ.

Я вернулся къ себѣ въ комнату и въ порывѣ стыда поникъ головой. Я измѣнилъ любимой.

А она стояла молчаливая, бѣлая и холодная, дѣвушка № 1738.

Повѣсть лучше всего издать отдѣльной книгой. На обложкѣ можно нарисовать голубую собаку и стерлядь кольчикомъ. Многимъ это понравится.

Арх. Буховъ.

КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ.

Царственно и нѣжно роняете фразы.
Лучатся глаза фіолетовой эмали,
Развѣ можно послушаться Вашего приказа
И не пойти на смерть, если Вы послали?
Мнѣ хочется сказать Вамъ: „Ваше Высочество“
И видѣть какъ толпа склоняетъ колѣни.
Развѣ можно называть Васъ по имени—отчеству,
Васъ князь моихъ сновъ и моихъ томленій!

Лидія Лѣсная.

К С Т А Т И.

Въ большевистскихъ кругахъ рѣшено пойти на уступки, для привлеченія интеллигенціи къ работѣ.

Изъ газетъ.

Я скажу отъ лица моего:

— Вотъ-съ мей взглядъ на характеръ момента-съ:

Нѣтъ, господа, timeo.

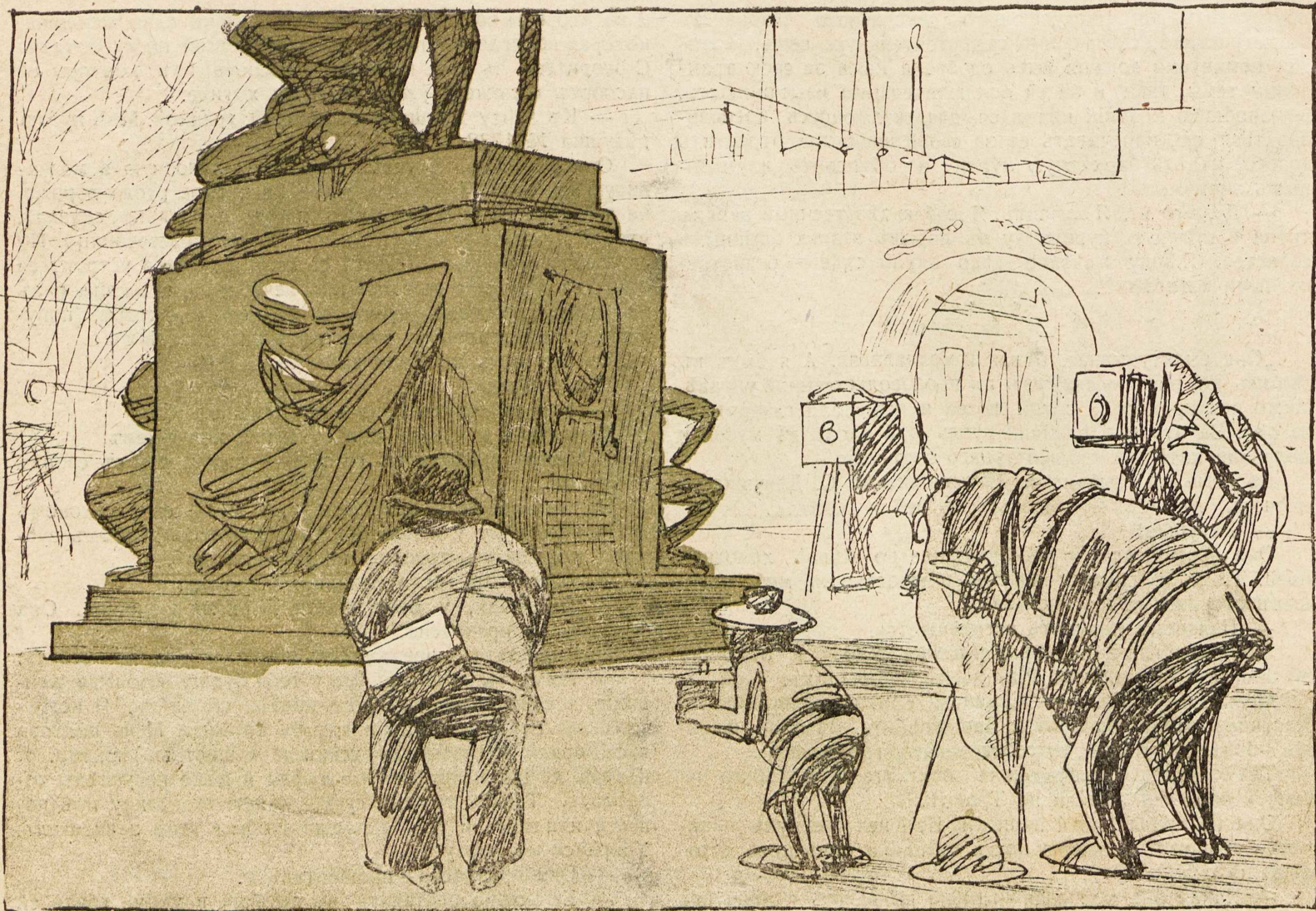
Danaost donna ferrentes.

В.

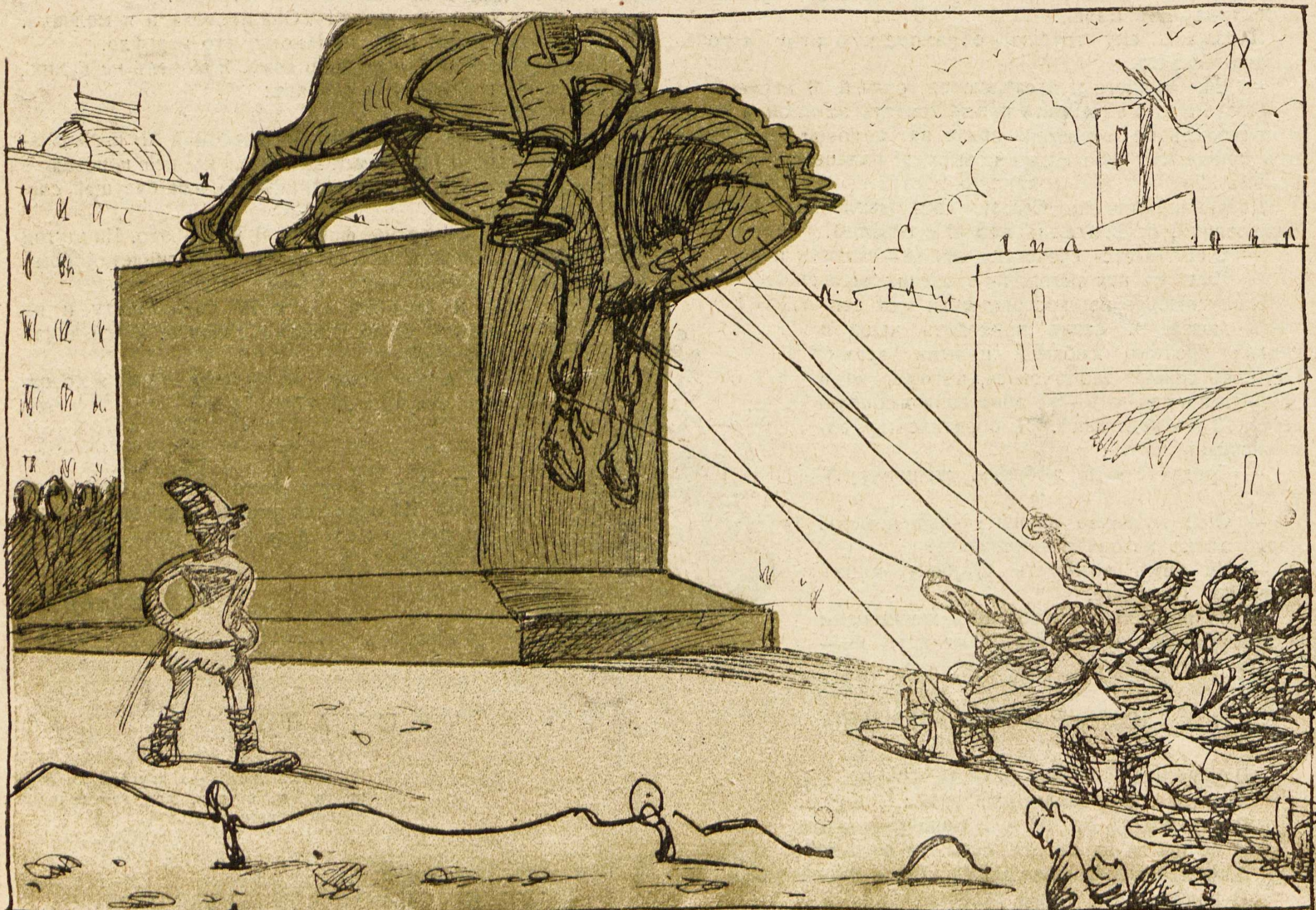
ЗАБОТЫ С ПАМЯТНИКАХЪ

Заграницей—то-то, то-то,
А, у насъ—наоборотъ,
Старые куплеты.

Рис. Ре-Ми.

Какъ снимаютъ памятники заграницеи...

И какъ ихъ снимаютъ у насъ...

Хозяинъ:—Послушайте!.. Я вѣдь приглашалъ квартетъ, а васъ пришло всего четыре человѣка.
 — Да больше для квартета и не надо.
 — Ш-што-съ?! Вы думаете у меня денегъ для большого квартета не хватитъ? Гони десятокъ!

- Вчера на меня четверо напали на улицѣ—такъ я имъ „общественнымъ порицаніемъ пригрозилъ...“
- А они что?
- Страшно испугались. Сняли съ меня пальто, отняли бумажникъ и сейчасъ-же убѣжали.
- Слава Богу, нашлась и на нихъ управа!

АМНИСТІЯ ХРИСТУ.

Хесвоевременный сактиментъ Евг. Вѣнскаго.

Сегодня мнѣ скажутъ:—„Христосъ Воскреселъ“, и я по привычкѣ отвѣчу:—„да!“ Но слушайте, народы, города, веси, набухшія нови, и небесъ голубая слюда, болотныя жабы, и ядовитыя гады, бродячія собаки, и зайчишка изъ-подъ куста, маровихеры въ „гаврилкахъ“, и нечесаные номады,—я расскажу вамъ настоящее про Іисуса Христа...

Вамъ извѣстно, что Онъ былъ пролетарій, что онъ жилъ въ Палестинѣ и училъ тамъ народъ... Говорятъ объ этомъ страницы апостольскихъ эпистолярій и легенды, переходящія изъ рода въ родъ.

Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ это было, — величайшее Чудо изъ Божьихъ чудесъ: явились ангелы, раскрылась могила,—и Сынъ Человѣческій за братьевъ воскресъ.

Но пойметъ-ли душа двуногаго гада, пойметъ-ли презрѣнный человѣчій базаръ нечеловѣческихъ мукъ Гефсиманскаго Сада и страданій Голгофы несказанный кошмаръ?!

Въ поклоненіи Великой Безначальной Утробѣ, Безликому Стаду и Возвышающей Тьмѣ, всѣ забыли въ заботахъ, исканьяхъ и злобѣ, что томится Христосъ въ Пересыльной тюрьмѣ...

Двѣ тысячи лѣтъ лучезарный и кроткій, съ виноватой улыбкой на грустномъ лицѣ, Онъ сидитъ за проржавленной мрачной рѣшеткой, въ истлѣвшемъ рубищѣ, и терновомъ вѣнцѣ.

Бѣгутъ столѣтія, словно минуты; копошится въ топкомъ болотѣ человѣческій родъ, а тамъ тихо позвякиваютъ путы, и карауль смѣняется у желѣзныхъ воротъ.

Молчитъ промозглая тюрьма зловонная, отъ тѣла срѣзанный гнойникъ-лишай...

- Молчать, презрѣнная, всѣхъ правъ лишенная!..
- Слушай!!!

Помоги мнѣ, Господи, въ авантюрѣ послѣдней, дай силы, Господи, непутевому мнѣ!.. Помолюсь я, Господи, за пасхальной обѣдней и пойду съ браунингомъ къ острожной стѣнѣ... Положу бревешкомъ караульнаго парня, начальнику суну браунингъ въ носъ:

— Эй, вы, сатанинская псарня, въ ко-то-рой камерѣ Іисусъ Христосъ?

— Освѣщайте корридоры, ночныя совы, ищите планы на канцелярскомъ листѣ, разбивайте стѣны, снимайте засовы!!

— Къ ногамъ Твоимъ падаю, Іисусе Христе!

... Я поведу Его по стогнамъ Петрограда, покажу Смольный, трибуналъ, дворцы, всѣ совершенства бытового уклада: моторы, лифты, панели, торцы...

Онъ напугается звенящаго трамвая, передъ Зимнимъ Дворцомъ опуститъ главу и пойдетъ за мной, головы не поднимая, рассматривая камушки и чахлую траву.

Скажу я:

— Господи, мнѣ такъ неловко: Ты, Господи, мой милый

гость, а у меня въ карманѣ одна рублевка, а въ сердцѣ усталость, тоска и злость.

— Я забылъ, Господи, о Твоей Голгоѣ, испоганивъ душу на этой мостовой, предложу тебѣ стаканъ паршиваго кофе и чернаго хлѣба съ рыжей травой...

— Повѣрь мнѣ, Господи, какъ болятъ мои раны, какъ истерзалась душа отъ тоски!.. Я покажу Тебѣ дорогіе рестораны и живопырки съ лучшимъ блюдомъ изъ трески, покажу, какъ поклоняются утробѣ, какъ за нее терзаетъ брата братъ, какъ мы живемъ въ раззолоченомъ гробѣ и отъ тоски глушимъ денатуратъ, что намъ даетъ тревожное забвенье, чтобъ къ Богу вознестя на полчаса, вновь бросилъ насъ къ позорамъ униженія и проклинать заставилъ небеса...

— Повѣрь мнѣ, Господи, что мы чего то ищемъ, и благословенъ дающій счастье ядъ... Но счастья нѣтъ намъ, прокаженнымъ нищимъ, живущимъ въ роскоши чудеснѣйшихъ палатъ.

— Прощенія нѣтъ тюремщикамъ Христовымъ!.. Смотри! Скажи! Ты для того воскресъ?!

... Вкругъ поздравленія со строемъ новымъ, восторженное пѣнье марсельезъ, экстазъ рабовъ, отбросившихъ окъвы и новыя желающихъ налѣтъ, рабовъ, что въ сладостномъ томленіи готовы лобзать и пѣть плантаторскую плеть...

— Ты знаешь, Господи, о счастья русскихъ гражданъ: вѣдь, мы прогнали мучившихъ насъ совѣ, и намъ въ сердца теперь большой куражъ данъ, а въ день труда лишь по пяти часовъ...

Подумай, Господи! Россія съ новымъ строемъ! Лежи, гуляй, ѣшь сладко, спи и пей! Какой дворецъ утробѣ мы построимъ безъ милицейскаго, остроговъ и цѣпей! Какъ будемъ ѣсть!.. Какъ будемъ одѣваться!..

.....

— Но прости меня, Господи, дурня тупорылаго, дай мнѣ дѣло свое совершить, изгони изъ меня контръ-революціоннаго Корнилова и позволь мнѣ Тебя проводить.

Пусть жестокъ и суровъ я, — пусть вѣдаю, что мы глупы, ничтожны, тупы, но я рабски и искренно слѣдую непреложнымъ канонамъ толпы...

Уходи!..

Уходи на пустыни безводныя, уходи на болота, въ лѣса; знай: мы люди—рабы несвободные, мы не можемъ смотрѣть въ небеса, намъ довольно болота гнойнаго,—словно гады, свились, живемъ, и Тебя метельно безпокойнаго никогда никогда, никогда, не поймемъ!.

Уходи!..

...Провожу Его за Нарвскую и далѣе, тамъ, гдѣ чайная «Аленькій Цвѣтокъ», оболью слезами Его сандали, поцѣлую колѣна Его ногъ...

И пойдетъ Онъ буграми, ухабами въ неизвѣстную грустную даль...

Будетъ баить со встрѣчными бабами... Будетъ бабамъ прохоженькаго жаль, сунуть хлѣба, яичко красное...

— На, родимай, бери-ка-сь, возьми...

И замететь лицо для порядка опасное комиссаръ захоластной Перми...

Ты прости меня, Господи, суроваго, разорви мое сердце въ куски, нѣтъ управы на него безтолковаго, все равно изойдетъ отъ тоски, все равно отравится ядами въ терзаниі...

Возьми его въ царство мечты, идѣже нѣсть печаль, ни воздыханія, но жизнь безконечная, какъ Ты!..

Н-да-сь... Одиноко встрѣчу Воскресеніе, буду пить и буду золь, какъ песь, ибо пережилъ большое потрясеніе...

— Ты прости меня, прости меня, Христось!..

И на привѣтствія:—„Христось Воскресе!“—яро вскочу я бѣшено, какъ раненая рысь, но вдругъ скажу безъ злости и безъ жара:

— И чего вы лѣзете, лѣшіе, чего подъ ногами путаетесь?.. Брысь!

Евг. Вѣнскій.

РУССКІЙ ЛЕЖЕБОКЪ.

— Не знаю, кто насъ теперь и спасетъ, русскихъ: Японія, Англія или Германія?

— А вы бы попробовали сами спастись.

— А вы знаете—это идея! И какъ это мнѣ раньше не пришло въ голову.

САМУРАИ НА ИЗНАНКУ.

„Мы желаемъ блестящаго осуществленія русской революціи...“

Изъвоззванія адмирала Като, командира японской эскадры.

Исторія мельчаетъ съ каждымъ часомъ,
Давнымъ давно героевъ сдавъ въ архивъ,
И флейту замѣнивши контрабасомъ,
Наигрываетъ сумрачный мотивъ.

Въ Афинахъ грязные торгуютъ греки,
И развѣ нуженъ былъ Гомеръ, Сократъ,
Чтобъ губки, и кефаль, и чебуреки
На всѣхъ базарахъ выставлялись врядъ?..

А самурай, сей палладинъ Востока,
Въ моряхъ тугіе ставя паруса,
Не шель ли въ бой бездумно и жестоко,
Глядѣль на смерть свою во всѣ глаза.

Зрачковъ не усыпивъ искусной ложью,
Кто рыцарства страны хранилъ завѣтъ,
Кто несъ вѣнки къ цвѣтущему подножью,
Въ бою герой, философъ и поэтъ?..

Исторія изгадитъ все, что хочетъ—
И самурай исчезъ какъ не бывалъ.
Спустя вѣка въ російской смутной ночи
Почуялъ падалъ меленькій шакаль.

Ну, мыслимо ли жлать, оскаливъ зубы,
Теряя въ пасти жадную слюну,
Когда остался клокъ медвѣжьей шубы,
И окорокъ насытитъ всю весну...

Лежитъ медвѣдь, и флагъ изъ лапы выпалъ
А кровь изъ сердца хлещетъ черезъ край...
Предсмертные не ты ль излѣчишь хрипы,
Съ шакальимъ ликомъ древній самурай?..

Александръ Флитъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Владиміръ Ортъ подмигнулъ лихо и выпустилъ книгу стиховъ. Поэтъ этотъ, удивительный весельчакъ, приплясываетъ:

Я все, что печально, сочту прибауткой,
Сочту прибауткой и жизнь нашихъ дней:
Когда вся Вселенная—лишь... проститутка
Тогда сутенеромъ пусть буду у ней.

— Это можно. Пусть называется,—какъ говаривалъ Хлестаковъ въ „Ревизорѣ“.

Въ другомъ мѣстѣ „сутенеръ Вселенной“ мѣняетъ свою широкую платформу:

Зову я Дѣвственницъ въ объятія,
Зову я юношей къ себѣ...

Большое оптовое дѣло затѣялъ поэтъ.

И дальше:

Хочу въ бедра дерзко-грѣховныя
Спрятать лицо я свое!

Это ужъ такое правило, чтобы у каждаго поэта было свое лицо. Все дѣло только въ томъ, гдѣ его искать, это лицо.

Книгу сопровождаетъ предисловіе. Чье? Ни болѣе, ни менѣе—Еврейнова Николая.

Онъ въ восторгѣ отъ Орта. Захлебывается. Признается:

— Я провелъ съ нимъ не одну ночь, какъ собутыльникъ, сококаинникъ (словцо-то!), согашишникъ и потому твердо знаю цѣну правды его „Торжества наркоза“.

Какъ теперь это просто дѣлается: попьанствовали вмѣстѣ, запустили въ носъ по доброй понюшкѣ кокаина, а потомъ—одинъ описаль, другой расхвалиль.

Взялись оба за руку и вынесли на жадный до клубнички рынокъ свою «половую проблему».

Наше искреннее мнѣніе: „половая“ проблема В. Орта и Николая Еврейнова цѣнна постольку, поскольку ее можно продавать на Невскомъ изъ подъ полы.

* * *

А поэтъ Э. Беймъ взялъ да и размахнулся „Лучами электрическими“:

Очевидно, французъ. Владѣетъ французскимъ языкомъ, какъ Богъ. Для него срифмовать „декольте“ и „tête a tête“ — какъ разъ плюнуть:

Я люблю тебя въ залѣ угарнсмъ (?)
Ты нравишься мнѣ въ декольте
И въ смѣхѣ задорно-вульгарномъ
Когда ты со мной tête a tête

Можно эти щегольскія риемы и продолжить:
Сколь пышенъ и зеленъ сей лѣсъ
Войдемте въ него, mesdames!

ПРОТОКОЛЬ О МОЕЙ НЕЧУТКОСТИ.

Фельетонъ Л. Аркадскаго.

Въ четвергъ, пятого апрѣля, ко мнѣ пришли два неизвѣстныхъ человѣка и спросили могу ли я редактировать газету. Ихъ вопросъ искренно обрадовалъ меня; когда теперь въ квартиру приходятъ незнакомые люди, сначала всегда кажется, что они спросятъ, гдѣ здѣсь, деньги лежатъ, а потомъ начнутъ затыкать ротъ, чтобы освѣдомившій ихъ объ этомъ, по крайней мѣрѣ, часа два пребывалъ въ самомъ сосредоточенномъ молчаніи.

Эти люди наоборотъ пришли мнѣ рассказать гдѣ у нихъ лежатъ деньги и хотѣли повидимому, чтобы я былъ возможно болѣе разговорчивъ. Поэтому я не сталъ скрывать, что редактированье — это моя профессія. Въ видѣ неоспоримаго доказательства, я указалъ имъ на бѣдственное положеніе моей семьи и неуваженіе ко мнѣ со стороны близкихъ людей. Они повѣрили и разговоръ завязался.

— Кстати — черезъ нѣкоторое время спросилъ одинъ изъ нихъ—а вы умѣете редактировать газету?

— Я чувствую себя въ тюрьмѣ какъ въ ваннѣ—съ отѣнкомъ достоинства отвѣтилъ я,—когда я вношу штрафы, этимъ процессомъ любятъ даже самыя незаинтересованныя вѣдомства; что же касается присутствія духа при конфискаціи номера—у меня его хватить на закрытіе всей періодической прессы Старога и Новаго Свѣта.

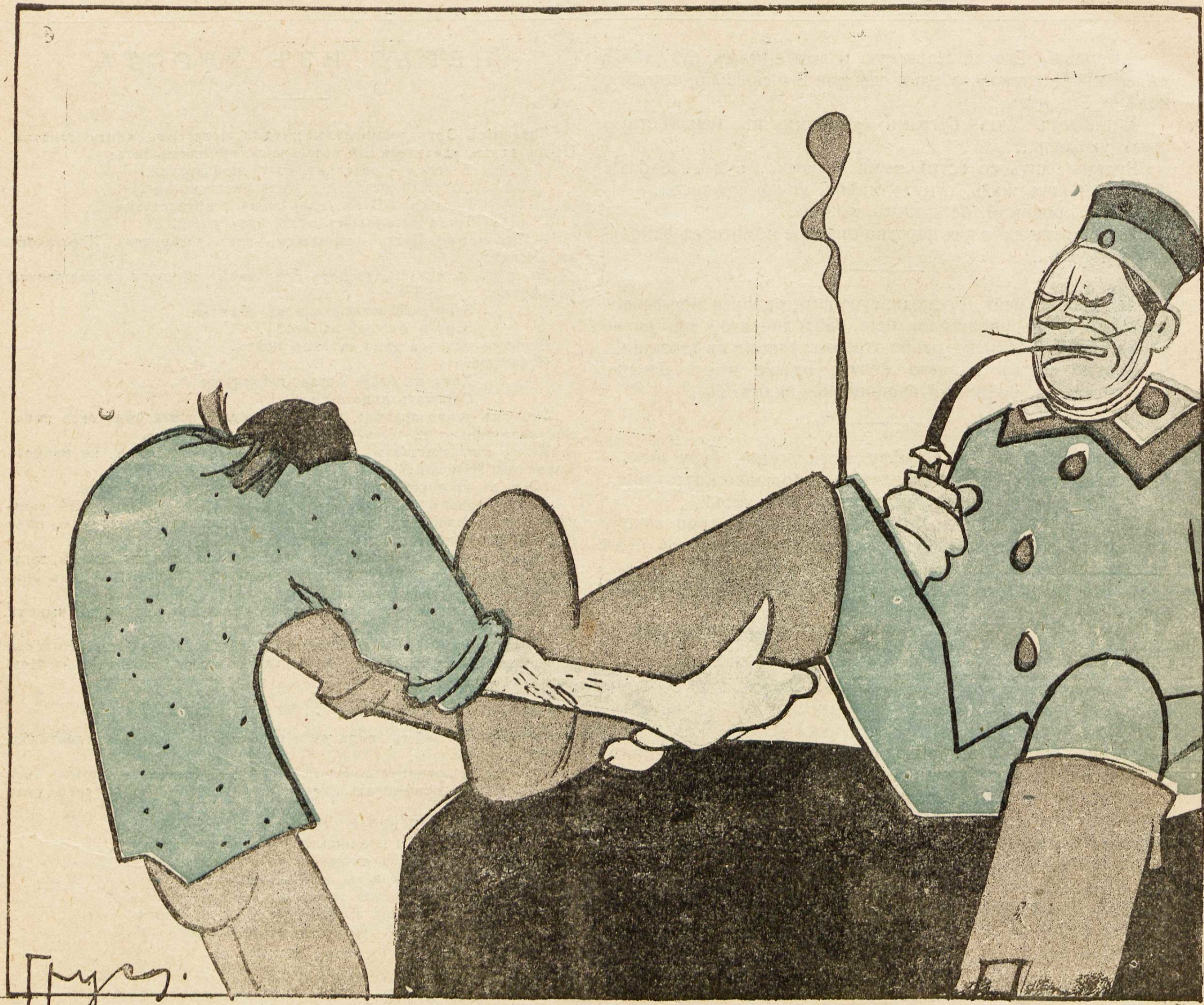
— Этого мало—рѣшительно сказали оба.

— Что же вамъ нужно отъ редактора? — осторожно обидѣлся я—на гитарѣ я, конечно, играть не умѣю, не могу заочно учить рисованію, плести соломенные шляпы...

— Намъ нужно убѣдиться въ вашей чуткости.

— Тѣ женщины, память о которыхъ сохрани...

— О женщинахъ мы поговоримъ послѣ. Онѣ никоимъ образомъ не будутъ поставлены ни въ одинъ изъ пунктовъ

— Нашему брату что... Сняли у буржуев сапоги, теперь и у нѣмцевъ снимать будемъ!

нашего договора. Намъ нужно провѣрить вашу редакторскую чуткость.

— Провѣряйте. Разрѣшите только переодѣть пиджакъ и выбрать галстукъ.

— Можете это дѣлать вплоть до трехъ часовъ субботы. Въ половинѣ четвертаго благоволите притти въ помѣщеніе редакціи. Ваши условія?

— Во первыхъ я привыкъ когда начинается газета...

— Согласны. Чекъ въ конторѣ. И такъ—до половины четвертаго въ субботу.

— Всего хорошаго. Даша, подайте пальто.

II.

Въ половину четвертаго, въ субботу, 7-го апрѣля 1918 года, я сидѣлъ въ редакторскомъ кабинетѣ новой газеты „Вечернее Утро“. Около меня сидѣли оба издателя.

— Войдите.

Первымъ пришелъ договариваться о постоянной работѣ популярный романистъ, авторъ настолько захватывающихъ романовъ, что газетчики, увидѣвъ номеръ газеты, гдѣ не было очередной главы романа грозилась поджечь типографію. Онъ былъ безконечно опытенъ и написалъ столько романовъ, что когда онъ перечислялъ одни ихъ названія, это занимало столько времени, что ему приходилось платить посуточно, какъ за сдѣльную работу.

— Сможете вы написать для моей газеты сенсационный захватывающій романъ?

Я ни капли не удивился, когда онъ отвѣтилъ согласіемъ.

— Романъ долженъ быть бытовой?

— Безусловно. Романъ изъ быта древнихъ саксовъ, съ подробнымъ описаніемъ тогдашней флоры и фауны, не подниметь тиража газеты ни на одинъ экземпляръ.

— У меня есть даже тема. Женщина—разбойникъ набираетъ большую шайку, прекрасно вооруженную... У ней свои броневики...

— Скажите еще скорострѣльные орудія—иронически улыбнулся я.

— Зачѣмъ скорострѣльные?—удивился романистъ—она женщина положительная, торопится ей некуда и поэтому она предпочтетъ у меня хорошую солидную трехдюймовку... Она будетъ нападать на деревни, мѣстечки...

— Можеть еще города?—удивленный его нахальствомъ, спросилъ я.

— Вы угадали—подтвердилъ онъ—и на города.

Я быстро подаль ему руку.

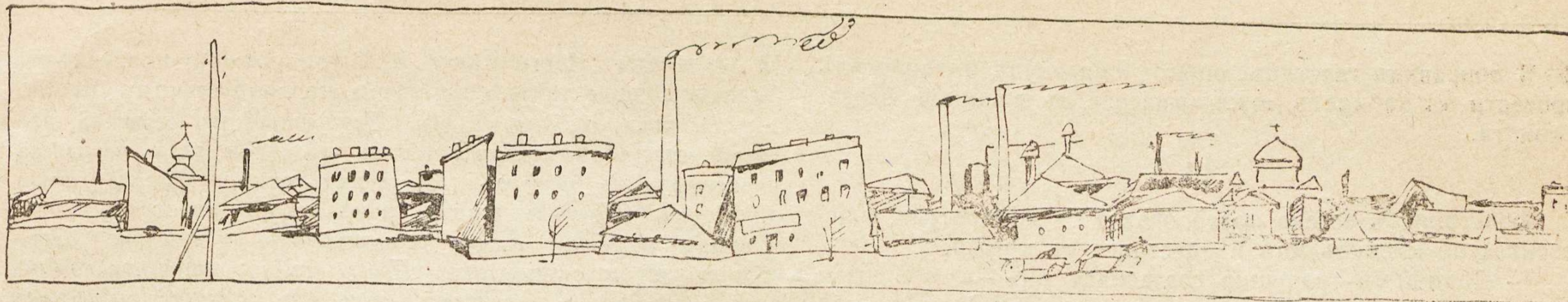
— Прощайте. Такіе романы мнѣ не нужны. Можете сдать этотъ самый романъ въ первый же дѣтскій журналъ. Старайтесь все-таки въ журналъ для читателей до 10 лѣтъ. Которые немного старше—не повѣрятъ.

Романистъ сожалеюще посмотрѣлъ на меня, тяжело вздохнулъ, порылся въ карманѣ, вынулъ оттуда какую то смятую газету, сунулъ ее одному изъ издателей и вышелъ.

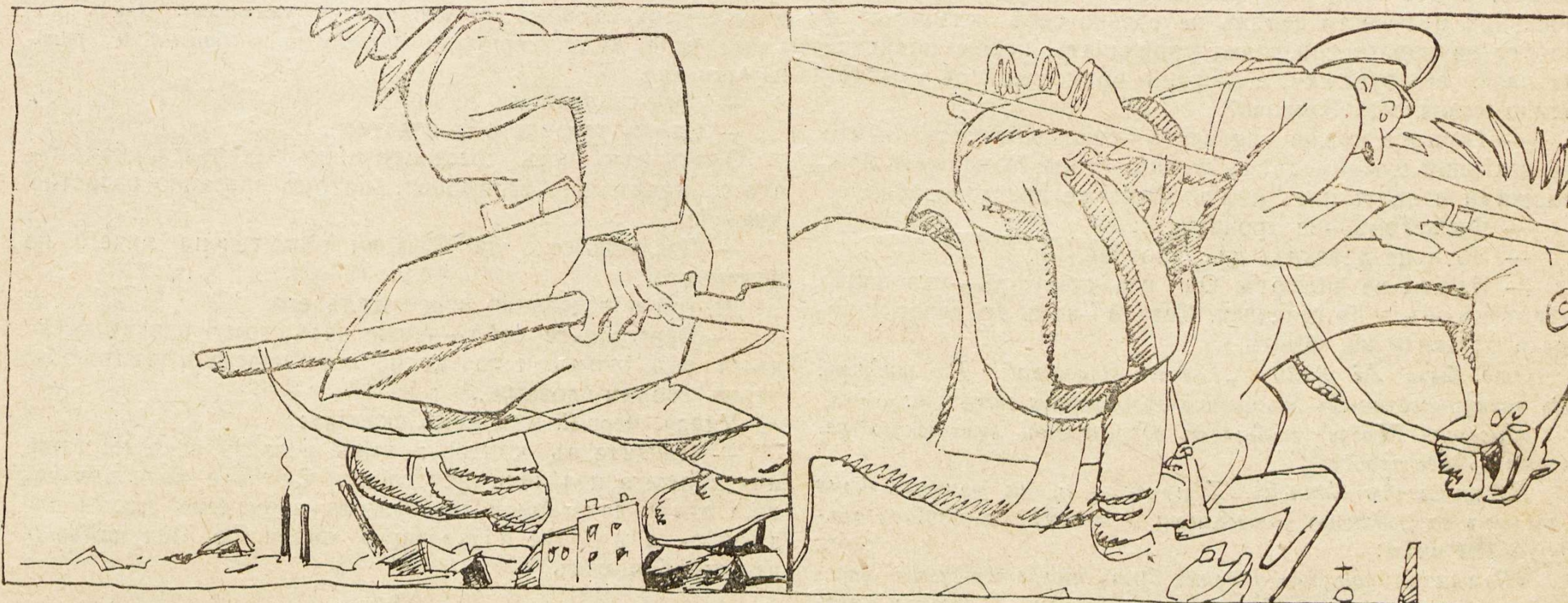
Тотъ прочелъ какое-то отведенное краснымъ карандашемъ мѣсто и передалъ ее мнѣ.

Это былъ номеръ 79 й газеты „Нашъ Вѣкъ“ за апрѣль 1918 года, гдѣ въ отдѣлѣ провинціальной хроники стояла замѣтка о томъ, что на югъ арестована атаманъ „Маруся Никифорова“, а ея шайка обезоруживается. Она имѣла свой „броневикъ“ и трехдюймовую пушку, изъ которыхъ обстрѣливали Елисаветградъ. И горожане сплелись отъ атаманши, только привлекиши на свою сторону авіаторовъ.

Разбойничьи отряды „Маруськи“, доходили до нѣсколькихъ сотъ человекъ. Елисаветградцы выдерживали съ ними настоящіе бои.

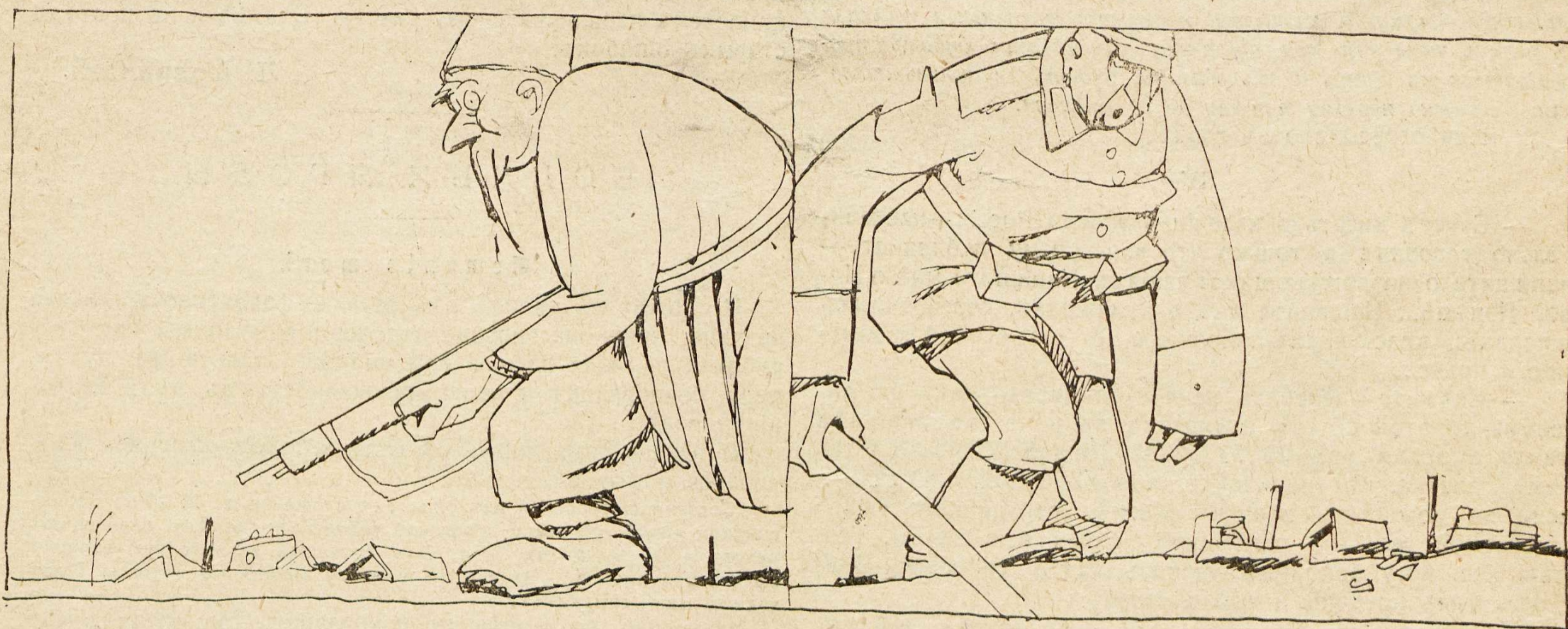

1. Былъ городъ...

2. Но пришла красная гвардія, заявила: „мы васъ спасемъ отъ конгръ революціонеровъ!“ Стрѣляли.

3. — А-а,—сказали казаки.—Этотъ бѣдный городъ захватили подлые большевики!.. Освободимъ Много стрѣляли.

4. — Эге,—сказали Украинцы.—Надо заступиться на нашъ городъ. Много стрѣляли. Даже изъ пушекъ.

5. — Да!—воскликнули нѣмцы.—Мы поможемъ нашимъ друзьямъ Украинцамъ освободить ихній городъ!.. Стрѣляли изъ огромныхъ пушекъ.

6. Наконецъ, всё сговорились и помирились... — Гдѣ же нашъ городъ? Вотъ что осталось отъ города.

Я поправил галстукъ, робко кашлянулъ и попросилъ провести въ кабинетъ ожидавшагося въ пріемной фельетониста.

III.

Фельетонистъ весело поздоровался съ издателями, снисходительно кивнулъ мнѣ и опустился въ кресло.

— Попишемъ—радушно согласился онъ—а у меня и фельетончикъ для перваго номера готовъ. Очень весело вышло. Будто какой-то обнаглѣвшій румынъ въ оккупированной мѣстности велѣлъ не только себѣ кланяться, а просто на просто соизволилъ приказать, чтобы повѣсили на палку его фуражку, а каждый проходящій съ улыбкой земно кланялся... Здорово?

— Тутъ же можно прибавить—сухо замѣтилъ я—что обнаглѣвшій румынъ съѣлъ живого слона, взмахнулъ крыльшками и сталъ пить нефть. Такъ же правдоподобно.

— Фельетонъ—не хроника.

— Но и не рассказъ для идіотовъ.

— Идіоты не читаютъ. Они редактируютъ—уклончиво отвѣтилъ онъ.—До свиданья. Кстати—вотъ эту газетку можете оставить на память.

Это былъ № 3336 „Газеты-Копейка“. Въ отдѣлѣ: Въ «оккупированныхъ мѣстностяхъ» стояла записка:

«Кіевская Мысль» сообщаетъ объ ужасахъ румынскаго режима въ Бессарабіи.

Въ мѣстечкѣ Единецъ, Хотинскому у. на улицахъ былъ расклеенъ за подписью коменданта и командиро состава слѣдующій приказъ:

«Румынскіе офицеры должны быть пріязнствуемы населеніемъ въ мѣстечкѣ Единецъ слѣдующимъ образомъ: каждый пріязнствующій долженъ остановиться на мѣстѣ, лицомъ къ начальнику, и быстро и геройски съ улыбкой на лицѣ долженъ снять шапку до самой земли: для обученія населенія этому и точному проведенію исполненія приказа въ разные часы дня моя фуражка коменданта будетъ прогуливаться на палкѣ и всѣ обязанности будутъ ее пріязнствовать, согласно первому пункту этого приказа.

У меня пересыхало въ горлѣ.

IV.

— Будетъ писать о паденіи и гибели Россіи—наставительно говорилъ я только что вошедшему публицисту—напишите о возрождающихся націяхъ. Напишите мнѣ о Новой Польшѣ... Напишите мнѣ о кунгушахъ, серебрянныхъ шпорахъ, красавицахъ-паненкахъ, о той особой галантности польск...

— Скажите—перебилъ меня публицистъ—какъ по вашему—къ этой статьѣ подходитъ въ качествѣ эпиграфа такая вырѣзка изъ № 73 (288) „Новой Жизни“? Вотъ вамъ газетка. Вы почитайте, а я пока побѣду. Кстати—если вы помѣстите меня въ списокѣ сотрудниковъ вашей уважаемой газеты—запомните, что я бью сверху. Терпѣть не могу боковыхъ ударовъ. Всего хорошаго. Эпиграфъ былъ кратокъ и выразителенъ:

Инициаторы запроса указываютъ, что польскіе легионеры въ цѣломъ рядѣ городовъ и мѣстечекъ устраиваютъ почти поголовное избіеніе еврейскаго населенія. Въ Самохваловѣ поставлена даже постоянная висѣлица, на которой, въ числѣ другихъ, на глазахъ всей семьи, былъ повѣшенъ мѣстный раввинъ, семидесятилтній старикъ. Польскіе легионеры воскресили даже такой способъ смертной казни, какъ привязываніе къ хвосту лошади.

— Странно—сказалъ я, побарабанивъ по столу—въ комнатѣ не топлено, а такъ жарко... Удивительно...

V.

Беллетристъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе писать бытовые очерки.

— Я бы давно началъ, да сами понимаете... Какъ-то не собрался. А матерьяльчикъ есть...

— И прекрасно—радушно поддержалъ я—напишите что—нибудь бодрое, свѣтлое... Напишите о возраждающейся провинціи, о томъ пробужденіи ея и...

— Бодрое?—уныло спросилъ онъ—это обязательно?

— Непремѣнно. Я хочу внести въ своей газетѣ новую струю энергіи и свѣтлыхъ надеждъ... Я хочу, чтобы вы написали рядъ очерковъ о провинціальной толпѣ, которая въ энтузіазмѣ привѣтствуетъ строителей новой жизни, которая въ порывѣ гражданственности...

Послѣ него тоже осталась газета. Это былъ тоже

№ 79 газеты „Нашъ Вѣкъ“, гдѣ тоненькимъ крестикомъ были отмѣчены такія свѣдѣнія о провинціальномъ бытѣ:

«Родина» сообщаетъ изъ Екатеринодара, что въ мѣстной газетѣ описывается такая публичная казнь четырехъ уличенныхъ въ грабежъ. На казни присутствовало около 4.000 чел. Прибылъ также командующій войсками, чины юстиціи и члены военно-резолуціоннаго комитета. Привели также и священника. Послѣ чтенія приговора командующій войсками произнесъ рѣчь, въ которой объяснилъ собравшимся необходимость крутыхъ мѣръ. Въ это время осужденныхъ обходилъ священникъ съ крестомъ. Рѣчь командующаго была встрѣчена возгласами одобренія и рукоплесканіями.

— Да—сказалъ я.

— Да—повторити оба издателя.

Одинъ изъ нихъ сосредоточенно задумался, какъ-бы что-то мучительно вспоминая, потомъ внезапно радостно кинулъ:

— Послушайте... Да вѣдь вы рѣшительно ничего не понимаете!

Другой обрадованно поддержалъ его.

— Представьте себѣ—я уже часъ тому назадъ догадался объ этомъ и только не могъ передать вамъ объ этомъ своими словами...

Уходя, первый изъ нихъ сказалъ:

— Пойдите въ контору: тамъ лежитъ чекъ на ваше имя. Можете получить неустойку. Сумѣйте воспользоваться этими деньгами и свободнымъ временемъ, чтобы подыскать себѣ болѣе подходящую профессію. Подумайте о вашихъ близкихъ.

VI.

Въ понедѣльникъ ко мнѣ пришли два человѣка и предложили редактировать газету. Я сказалъ имъ, что я по призванію—маркеръ и могу обучать умственно-отсталыхъ канареекъ первоначальному свисту. Больше я не повторю старыхъ ошибокъ.

Л. Арвадовій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Memento mori.

Н. Тэффи въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ писала недавно, какъ она вносила подходный налогъ и какъ вся публика осыпала бранью пріемщиковъ налога за путаницу, безпорядокъ и неорганизованность въ дѣлѣ взиманія налога.

И вдругъ сама жизнь въ отвѣтъ на эти обзиренія оскандила свои страшные зубы:

Сегодня выбросился изъ окна 5-го этажа въ д. № 19 по Надеждинской улицѣ служащій городской управы по отдѣлу подходнаго налога Н. Е. Фаустинъ, 70 л. Онъ оставилъ характерную записку, въ которой пишетъ: „Въ смерти я прошу никого не винить. Подходный меня замучилъ“.

Очевидно, во всемъ происходящемъ съ подходнымъ налогомъ виновенъ не бѣдный Фаустинъ и не публика.

Виноватъ кто-то третій, кто изъ окна не выбрасывается.

Карусель.

Московская комиссія Крыленки постепенно выпускаетъ арестованныхъ анархистовъ. Газеты даже сообщаютъ съ самымъ непроницаемымъ видомъ, что:

Идейнымъ анархистамъ будутъ даже возвращены особняки, въ свое время экспропрированные ими.

Такъ оно и пойдетъ все по милому, по хорошему: „идейнымъ“ анархистамъ вернуть особняки, къ идейнымъ примажутся неидейные, потомъ къ неидейнымъ придутъ и поселятся въ украденныхъ особнякахъ просто жулики и грабители, потомъ московское населеніе вновь завоюетъ, вновь совѣтская власть устроитъ облаву, снова отсортируетъ, отпуститъ идейныхъ анархистовъ, вернетъ украденные ими особняки...

Господи, какъ грустно жить въ Россіи! Ходишь цѣлый день съ ощущеніемъ физической тошноты...

Блестящая армія.

Могучая грозная русская армія—гдѣ ты?

Бѣлгородъ взять нѣмцами.

Въ Бѣлгородѣ былъ революціонный отрядъ въ нѣсколько тысячъ добровольцевъ, вооруженныхъ винтовками. Страшно и тяжело было смотрѣть, какъ послѣ перваго орудійнаго выстрѣла нѣмца эти за-

щитники стали поспѣшно разуваться и послѣ второго выстрѣла стремглавъ побѣжали, не взирая на морозъ.

Когда-то пишущій эти строки говорилъ по поводу австрійской арміи, что «она — самая блестящая армія».

Почему спрашивали его?

— При видѣ русскихъ пятки такъ и сверкаютъ...

А теперь? Тѣ, кому надо было развалили грозную когда-то русскую армію.

И „сверкаютъ“ теперь революціонные добровольцы!

Самый большой вагонъ въ мірѣ.

Раньше была норма для вагона—40 человекъ, 8 лошадей.

Теперь смоленскій корреспондентъ вечернихъ газетъ расширилъ эту норму:

Изъ Смоленска сообщаютъ, что изъ Минска отправлено въ Германію 15.000 мужчинъ въ вагонѣ опутанномъ колючей проволокой.

Вмѣсто паровоза, вагонъ этотъ приводится въ движеніе тысячью утокъ. Газетныхъ.

Остановка за маленькимъ.

Изъ афоризмовъ большевика Володарскаго:

„Мы выдержали экзаменъ на разрушеніе, теперь намъ нужно держать экзаменъ на созиданіе“.

Это все равно, какъ докторъ сказалъ-бы родственникамъ покойнаго:

— Ну-съ, оперированнаго больного я зарѣзалъ. Теперь только его воскресить и все будетъ хорошо.

Одинъ изъ стам славной.

„Дѣло Народа“ эпически рассказываетъ какъ впервые въ ночь на 6 января, когда было разогнано Учредительное собраніе, возникъ, какъ Венера изъ пѣны морской, знаменитый Дыбенко:

Было уже за полночь. На улицѣ уже кончились разстрѣлы. Осталось подобрать трупы. Началось приготовленіе ко второй части—къ разстрѣламъ во дворцѣ. На Церетелли уже пробовали наводить револьверы. Въ Чернова уже цѣлили изъ винтовки. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда атмосфера достаточно накалилась и въ воздухѣ запахло кровью, на кафедру для ораторовъ вылъзло какое-то пугало, какое-то чучело гороховое, „обло, огромно, стозѣвно и лай“, и, потрясая взъерошенной головой, буквально что-то прогавкало, а не проговорило, невнятно, невразумительно, нечленораздѣльно.

— Совѣтъ народныхъ комиссаровъ. Можетъ надѣяться. Гау-гау, Штыки! Штыками! За совѣтскую власть наши штыки, наше оружіе. А все остальное—мы противъ нихъ, долой ихъ. Штыками. Гау-гау. Это былъ Дыбенко...

Вотъ тебѣ и „гау-гау“. А карьеру сдѣлалъ такую, какую впору и двоному сдѣлать.

Гдѣ-то теперь твое личико смуглое,
Нынче смѣется—кому?

Простое, какъ мычаніе.

Къ свѣдѣнію спеціалиста по анархистамъ—Крыленко: Воронежъ. 15. IV. Арестованы руководители анархистовъ, жившіе въ салонъ-вагонѣ вмѣстѣ съ кокотками. Отобрано 900.000 руб. денегъ.

Интересно какъ будетъ измѣрять бывший главковерхъ степень идейности воронежскихъ анархистовъ: по количеству отобранныхъ денегъ, или по политическому курсу анархитскихъ дамъ?

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Е. Т—ной.—Странная манера устраивать свое произведеніе: „ну что вамъ стоитъ, пишетъ авторъ—плюньте и напечатайте!“

Къ сожалѣнію, наше хорошее воспитаніе мѣшаетъ намъ исполнить даже первую половину вашей просьбы.

Блстучину.—Стихи подходящи. Приняты. Увидите ихъ въ ближайшихъ №№ журнала.

Ничему. Къ сожалѣнію, не подошло.

С. Ж—в'у. „Изъ дневника интеллигента“ такъ длинно, что еще не прочли. Читаемъ до сихъ поръ. Надѣмся, къ осени получите тотъ, или другой отвѣтъ.

Маноэль.—Препровождая стихи Маковка, извиняется „за ихъ двусмысленность“.

Огонь въ каминѣ извивается на полѣньяхъ

Манечка у меня сидитъ на колѣняхъ,

Огонь уже въ каминѣ потухъ,

А у меня отъ поцѣлуевъ захватило духъ.

Такъ-съ...

Огонь въ каминѣ извивается

Маковка за двусмысленность извиняется.

Не можемъ уловить мы пишущаго мысль лица:

Это не двусмысленность, а бессмыслица.

Опомнитесь, Маковка.

Эльбаже (Спасская 7).—„Я смотрю на „Сатириконъ“, какъ на alma mater“...

Смотрѣть—это можно. Ничего. Не слиняемъ.

Писать только не надъ.

А то что это такое:

—Мы питаемся кониной.

—А мы лошадь уже съѣли. Теперь пролетку доѣдаемъ“.

Съѣлъ человекъ колесо и написалъ такое, что читать тошно.

Ave.

Редакторы: { А. Т. Аверченко.
Арк. Буховъ..

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.
Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

6-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

на 1918 годъ.

„Новый Сатириконъ“.

52 №№ обильно иллюстрированнаго | 2 цѣнныхъ премій (бесплатно).
журнала въ краскахъ.

за 12 мѣс. (съ преміями)—30 руб. за 6 мѣс.—15 руб., за 3 мѣс.—

7 р. 50 к. и за 1 мѣс. 2 руб. 50 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88, Тел. 59-07.

Анархисты:

- Раньше мы занимали особняки по своему выбору—теперь по выбору большевиков.
- То есть?
- Большевики всёхъ нашихъ посадили въ тюрьму.